

АРХЕОЛОГИЯ

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ оз. МЕРГЕНЬ КАК СТРАТЕГИЯ АДАПТАЦИИ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6)

Представлен анализ промыслово-хозяйственной деятельности жителей ранненеолитического поселения северо-восточного побережья оз. Мергень (Нижнее Приишимье, юг Западной Сибири) в контексте определения признаков адаптационной стратегии к окружающим природным условиям (материалы памятника Мергень 6). В качестве исходных привлечены данные исследований по климатической ситуации в начале голоцена, палеоландшафтной характеристике территории, геоморфологической позиции поселения, составу и условиям формирования археозоологической коллекции и промысловых орудийных наборов (охота, рыболовство). Совокупный анализ источников позволил составить промыслово-хозяйственную модель функционирования поселения. Ее чертами являются: основание поселения на пересечении так называемых кормящих ландшафтов (лес-степь — макроуровень, озеро-река — микроуровень), вероятный круглогодичный, стационарный характер поселения, равнозначность соотношения отраслей хозяйства (охота — рыболовство), опора в промысловой деятельности на связку «копытные — рыба», предположительный сезонный характер добычи тех или иных видов фауны. Данная модель, на наш взгляд, отражает адаптационную стратегию древнего населения, нацеленную на обеспечение устойчивости и продуктивности хозяйства. Анализ историографии также позволил констатировать, что выделенные элементы модели в целом являются общими для древних обществ с присваивающей экономикой, проживавших на территории лесной и лесостепной зон Евразии (мезолит — неолит).

Ключевые слова: ранний неолит, промыслово-хозяйственная деятельность, адаптационная стратегия, охота, рыболовство, поселение Мергень 6.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

Введение

Адаптационные процессы в традиционных обществах (древних и современных) по-прежнему остаются объектом пристального внимания исследователей. Во многом это объясняется тем фактом, что «лицо» археологической культуры (типа, этапа и т.д.), этноса, этнической группы, их духовная и материальная культура, хозяйственно-культурные типы являются отражением приспособления человеческих коллективов к конкретным условиям окружающей среды [Кольцов, 1998, с. 23; Сидоров, Энгватова, 1996, с. 15; Головнев, 1998]. В свою очередь, многогранность процессов, связанных с адаптацией, обуславливает сложную структуру последней. Выделяют формы, блоки, уровни, части, способы, средства адаптации и т.д. Вместе с тем большинство исследователей говорят главным образом об экономической/материальной, о социальной, культурной и биологической/природной ее сторонах [Кольцов, 1998, с. 21–23; Алексеев, 2007; Ямсков, 2009; Сатаев, 2017, с. 126]. При этом основополагающей считается деятельность хоть и охватывающая большинство из представленных сторон, но направленная на обеспечение в первую очередь потребностей биологического характера — в пище, воде, защите от неблагоприятных внешних климатических условий (одежда, жилища) и т.п. Такую деятельность в целом принято называть промыслово-хозяйственной.

Основные понятия, объекты исследования, методика

Целью настоящей работы является исследование промыслово-хозяйственной деятельности неолитического населения северо-восточного побережья оз. Мергенъ по материалам поселения Мергенъ 6. Вопросы типологии жилищ, геоморфологии поселения и ресурсного потенциала как территории, так и населения в контексте домостроительства нами подробно рассматривались в ряде работ [Еньшин, Белоногов, 2010; Еньшин, 2014; Еньшин, Скочина, 2014], поэтому основное внимание будет уделено характеристике ландшафтного окружения поселения (рельеф, климат, растительность, водные объекты), объектам промысла эксплуатируемой территории, орудийным наборам, характеризующим охоту и рыболовство. Совокупный анализ данных показателей позволит создать гипотетическую модель промыслово-хозяйственной деятельности древнего населения, годового хозяйственного цикла функционирования поселения и выявить признаки адаптационной стратегии, позволившей существовать коллективу в природно-климатических условиях атлантического периода голоцена.

Изучение элементов хозяйственной деятельности древних и современных традиционных коллективов невозможно без оценки окружающих природных комплексов (ландшафтов). Под последними понимают «закономерное сочетание компонентов природы (рельефа, климата, растительности, животного мира), которое отражает режим хозяйственного использования территории и представляет собой дифференцированную среду обитания» [Адаев, 2007а, с. 223]. Эксплуатируемые территории в этнографической и археологической литературе получили наименование экологических ниш, хозяйственно-экологических ниш, археологических микрорайонов. Смысловая нагрузка и соотношение этих понятий остаются в дискуссионном поле [Адаев, 2007б, с. 82–83; Волков, 2007, с. 119–123]. В данном исследовании, исходя из того что территория хозяйственным коллективом воспринимается через призму производственной деятельности, будем по-прежнему опираться на понятие хозяйственно-экологической ниши (ХЭН), данное Е.Н. Волковым применительно к археологическим комплексам. Под ним подразумевается комплекс природно-климатических условий, необходимых для поддержания традиционной системы жизнеобеспечения [Волков, 2007, с. 120]. ХЭН могут быть двух уровней. В данном случае территория нашего исследования соответствует первому — «комплекс ландшафтно-экологических условий, пригодный для ведения традиционного хозяйства, сложившийся в рамках ограниченной территории, полностью удовлетворяющий потребности системы жизнеобеспечения населения конкретного поселения, селища, городища и т.д.» (исследователь определяет условный радиус данной территории как не превышающий 30–50 км) [Там же, с. 121].

До настоящего времени период существования поселения Мергенъ 6 определялся в пределах первой половины V тыс. до н.э. (развитой неолит), однако значительное расширение корпуса радиоуглеродных и AMS-дат позволило скорректировать датировку и отнести его функционирование к концу VII тыс. до н.э. (Combine probabilities — 2σ (95,4 %) 6095–6060 BC, ранний неолит).

Присваивающее хозяйство зависит от продуктивности природной среды, от количества и доступности присутствующей в ней биомассы, составляющей промысловый ресурс. Определение достоверного видового и количественного показателя объектов промысла древнего населения сопряжено с большими сложностями, а чаще всего невозможно. Главная проблема заключается в отсутствии или крайне неудовлетворительной сохранности костных остатков в слоях археологических объектов. В этом отношении материалы поселения Мергенъ 6 можно считать уникальными. Остеологическая коллекция насчитывает около 8000 ед. Однако, приступая к ее анализу, нельзя не учитывать мнение исследователей, что количественный состав костей в культурном слое археологического объекта, показатель видового разнообразия и соотношение особей не документируют ни реальное количество съеденных на поселении животных, ни их соотношение [Сидоров, Энговатова, 1996, с. 21]. На формирование качественного и количественного состава остеологических коллекций древних памятников оказывает влияние множество факторов: условия переработки добычи в древности (полнота доставки на поселение, локализация утилизации остатков и т.д.) и процесса археологизации (химический состав почв, эрозионные процессы и т.д.), полнота исследованности археологического объекта и пр. Все это, на наш взгляд, позволяет воспринимать остеологические данные как отражение общей тенденции и с осторожностью подходить к интерпретациям количественных показателей. Кроме того, отпечаток накладывает многослойный характер памятников. Учитывая данный фактор, будем опираться на материалы, полученные главным образом из придонных частей котлованов неолитических жилищ, а также словес, хозяйственных и ритуальных ям, содержащих исключительно неолитическую керамику.

Рис. Орудия охоты и рыболовства поселения Мergenь 6:

1 — местоположение поселения Мergenь 6; 2, 6 — гарпуны; 3 — игольчатый наконечник стрелы, 4, 5, 7, 8 — листовидные наконечники стрел; 9 — крючок; 10 — жерлица; 11 — игла для вязания сетей; 12 — зубчатое острие; 13 — наконечник копья/дротика; 14 — заготовка для «томара» на фрагменте рога: 2–6, 11–13 — кость; 7, 8 — камень; 9, 10, 14 — рог.

Fig. Hunting and fishing tools of the Mergen 6 settlement:

1 — the location of the settlement Mergen 6; 2, 6 — harpoons; 3 — needle-shaped arrowhead, 4, 5, 7, 8 — leaf-shaped arrowheads; 9 — hook; 10 — the jail; 11 — needle for knitting networks; 12 — toothed point; 13 — the tip of the spear/dart; 14 — blank for the «Tomar» on the fragment of the horn: 2–6, 11–13 — the thickness; 7, 8 — stone; 9, 10, 14 — horn.

Анализ археозоологической коллекции выполнен П.Н. Косинцевым, А.Е. Некрасовым, А.В. Кисагуловым (Институт экологии растений и животных УрО РАН) и Н.В. Мартыновичем (Красноярский краевой краеведческий музей). Определение размеров рыб (длина тела до конца чешуйного покрова) проведено исследователями по методу Е.А. Цепкина [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103].

Орудия охоты и рыболовства из камня, кости, и рога из культурных слоев памятника представляют собой многочисленную коллекцию, однако для наибольшей достоверности выборки был применен тот же принцип, что и для остеологической коллекции (выборка со дна неолитических котлованов и т.д.). Функциональное назначение орудий определялось в том числе посредством трасологического анализа.

Анализ источников

Ландшафт, климат, геоморфология

Поселение Мергень 6 расположено в северной части лесостепной зоны Западной Сибири, в бассейне р. Ишим,— в переходной полосе между заболоченной тайгой и сухой степью. Для начала атлантического периода (7700–6300 л.н.) в ландшафтном отношении исследователи отмечают здесь тенденции к остепнению, небольшое сокращение лесов по сравнению с предыдущим периодом, появление колков, расширение площадей, занятых лугово-степными сообществами. Состав древостоя — береза с примесью ольхи и сосны, в поймах — заросли ивы и тростника. В целом на основании споровопыльцевых данных отмечается потепление климата и как следствие снижение уровня воды в озерах [Ландшафты..., 2008, с. 52].

Долина р. Ишим имеет ширину 15–20 км и врез до 45 м. На дне прослеживаются цепочки относительно крупных озер (остатки древнего водотока), в том числе соединенные через систему проток со старицами и современным руслом Ишима. В рельефном отношении вычленяются участки озерной поймы, I и II надпойменных озерных террас (с высотами 1–6 м от уреза воды). Цоколь и тело террас и поймы сложены суглинками, частично перекрытыми супесями.

Поселение непосредственно расположено на мысовидном выступе высокой озерной поймы (высотой 1–1,5 м), образованном оз. Мергень и вытекающей из него протокой Мергенькой (рис., 1). Мергень вместе с расположенными к югу озерами Кислое, Травное и некоторыми другими более мелкими образуют группу криволинейных озерных урочищ — реликт плейстоценовой эпохи [Там же, с. 4]. Ширина перешейков между озерами в настоящее время не превышает 150 м; это не исключает того, что в древности они периодически составляли единую акваторию вследствие разливов и половодий. О таковых свидетельствуют результаты палинологических исследований на самом поселении [Рябогина и др., 2011]. Цепочка озер протянулась по линии север — юг, при этом в северной части через ряд протоков и старичных озер (Мергенька, Карасулька и др.) соединяется с р. Ишим (восточнее г. Ишима). Аналогичным образом данная озерная система связана с рекой и с южной стороны (протоки из оз. Травное, южнее с. Лариха).

Таким образом, вероятная эксплуатировавшаяся неолитическим населением хозяйственно-экологическая ниша площадью не менее 800 км² могла включать в себя участок речной долины (шириной около 15–20 км и длиной около 35 км), в которой располагалась система озер (совокупная площадь вероятной акватории около 50 км²), связанная протоками с крупной рекой, а также, вероятно, участки залесенных водоразделов за ее пределами (от поселения до края долины — 7–10 км).

Археозоологическая коллекция

Достоверно соотносимая с неолитическим временем коллекция насчитывает около 4300 фрагментов (4273 ед.). Из них большая часть (2643 ед., определимых — 1343) принадлежит млекопитающим, 1505 — ихтиофауне и моллюскам, 143 фрагмента — представителям орнитофауны.

Видовой состав млекопитающих представлен в табл. 1.

По степени промыслового значения данную часть фауны можно условно разделить на две категории: объекты двойного значения (пища и материалы для изготовления одежды и орудий — шкуры, кость/рог) и объекты пушного промысла. К первым относятся все копытные (лось, лошадь, тур, олень, косуля), а также бобр, ко вторым — куницы и другие пушные (куница, горноста, росомаха, лисица, выдра). Определенный вес в пищевом списке, вероятно, могли иметь барсук, волк и медведь. Например, в настоящее время у коренных народов Западной Сибири (хантов и др.) высоко ценятся медвежий жир и желчь, используемые в лечебных целях [Адаев, 2007b, с. 44]. Высокую ценность представляли медвежья и волчья шкуры. Что касается собак,

Промыслово-хозяйственная деятельность раннеолитического населения оз. Мергень...

то вопрос включения их в пищевой рацион обсуждается среди исследователей [Сидоров, Энговатова, 1996, с. 23]. Наличие погрызов на костях, на наш взгляд, скорее свидетельствует об обитании собак на поселении и использовании их для охраны и охоты и в сопутствующих этому ритуальных практиках (например, помещение черепа собаки у очага жилища при оставлении поселка [Еньшин и др., 2012]).

Таблица 1

Состав млекопитающих из неолитического комплекса поселения Мергень 6 по данным археозоологии

Table 1

The composition of mammals from the Neolithic complex of the Mergen 6 settlement according to the data of archaeozoology

Вид	Кол-во костных остатков (ед./%)
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	97/7,2
Дикая лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	47/3,5
Тур (<i>Bos primigenius</i> Voj)	7/0,5
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i> L.)	2/0,1
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	1/0,07
Олень большерогий (<i>Megaloceros giganteus</i> (Blumenbach))	2/0,1
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i> L.)	102/7,6
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	558/41,5
Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	105/7,8
<i>Canis</i> sp. (неразделенные псовые)	107/8
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	9/0,7
Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	23/1,7
Выдра (<i>Lutra lutra</i> L.)	2/0,1
Горностай (<i>Muastela erminea</i> L.)	3/0,2
Куны (<i>Martes</i> sp.)	131/9,7
Росомаха (<i>Gulo gulo</i> L.)	24/1,8
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	123/9,1

Фрагменты костей в целом представлены тремя отделами — конечности (45 %), туловище (28,7 %) и голова (17,8 %, включая рога).

Представленные в материалах поселения животные по местам обитания делятся на три условные группы: типично лесные (лось, бурый медведь, куница, росомаха, бобр, выдра), типично лесостепные/степные (тур, дикая лошадь, большерогий олень) и животные, обитающие как в остепненных условиях, так и в лесу (благородный олень, косуля, волк, барсук, горностай, лисица). Лось — обитатель относительно чистых лесов, речных долин, горельников. Бурый медведь предпочитает лесные массивы с лесосеками, гарями, болотами и полянами. Куница и росомаха преимущественно обитают в смешанных лесах. Выдра и бобр обживают берега небольших речек и озер, поросших лиственным лесом. В лесостепи/степи в период функционирования неолитического поселка встречался тур, предпочитавший, по всей видимости, крупные чистые березовые колки, окруженные безлесными остепненными пространствами. Вероятно, подобные природные зоны занимал и большерогий олень — реликтовое животное для начала атлантического периода в Западной Сибири [Van der Plicht et al., 2015]. Дикая лошадь же — обитатель преимущественно открытых степных ландшафтов являлась, по всей видимости, наиболее южным в территориальном отношении объектом промысла. Остальные виды животных (благородный олень, косуля, волк, барсук, горностай и лисица) могли существовать в самых различных природных условиях [Жилин, 2004, с. 34–39; Адаев, 2007b, с. 28–37, 44–45].

Коллекция костей орнитофауны представлена в табл. 2.

Из сохранившихся костей доминируют фрагменты плечевого пояса и крыльев. При этом преобладают останки промысловых видов — утиных (Anatidae, 57,3 %) и тетеревиных (Tetraonidae, 11,9 %). Большинство остальных можно отнести к условной категории случайно добытых. Так поганковые (Podicipedidae, 4,2 %) вряд ли были объектом целенаправленной добычи (специфический вкус, малые размеры, трудность промысла — нырковые), а скорее, могли попадаться в средства ловли рыбы и водоплавающей перелетной птицы (сетки, элементы заповор и т.д.) [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103]. Лысуха, погоньш и чибис (4,9 %) тоже вряд ли занимали какое-то значимое положение в списке пищевых объектов добычи; видимо, они попутные маркеры промысла в тростниковых озерных условиях, обитателями коих и являются. Чернозо-

бая гагара на сегодняшний день формально относится к охотничье-промысловым видам птиц, но специальной охоты на нее не ведется, добыча ее скорее случайна. Добыча хищника ястреба-тетеревятника теоретически может относиться к разряду целенаправленных, например ради перьев для оперения древков стрел.

Таблица 2

Состав орнитофауны из неолитического комплекса поселения Мергень 6 по данным археозоологии

Table 2

The composition of avifauna from the Neolithic complex of the Mergen 6 settlement according to the data of archaeozoology

Вид	Кол-во костных останков (ед./%)
Лебедь-кликун (<i>Cygnus cygnus</i>)	37/25,9
<i>Cygnus</i> sp.? (лебедь?)	23/16
Серый гусь (<i>Anser</i> cf. <i>anser</i>)	13/9
<i>Anser</i> sp. (гусь?)	2/1,4
<i>Anatidae</i> gen. indet. (утиные)	3/2,1
Кряква (<i>Anas platyrhynchos</i>)	2/1,4
Широконоска (<i>Anas clypeata</i>)	2/1,4
Чернозобая гагара (<i>Gavia arctica</i>)	3/2,1
Чомга/серошекая поганка (<i>Podiceps cristatus/griseigena</i>)	2/1,4
Чомга (<i>Podiceps cristatus</i>)	2/1,4
Серошекая поганка (<i>Podiceps griseigena</i>)	2/1,4
Тетерев (<i>Tetrao tetrix</i>)	17/11,9
Лысуха (<i>Fulica atra</i>)	4/2,8
Погоныш (<i>Porzana porzana</i>)	1/0,7
Чибис (<i>Vanellus vanellus</i>)	2/1,4
Ястреб-тетеревятник (<i>Accipiter gentilis</i>)	2/1,4
Серебристая чайка (<i>Larus</i> cf. <i>argentatus</i>)	1/0,7
Сорока (<i>Pica pica</i>)	3/2,1
<i>Aves</i> fam gen. indet. (неопределимые)	22/15,4

Таким образом, основной видовой состав птиц (как промысловых, так и «попутных»; 68,5 % от комплекса), соотносимых с неолитическим слоем поселения Мергень 6, в ландшафтном отношении составлен из перелетных обитателей озер бордюрно-тростникового типа южной части Ишимской лесостепи. Тетерев же, как представитель промысловой боровой дичи, занимает иную ландшафтную нишу, предпочитая в целом лесные опушки, поляны, березовые колки, редкостойные заболоченные леса, окраины моховых болот и лугов [Адаев, 2007b, с. 43].

Значительную часть остеологической коллекции составляют остатки ихтиофауны (чешуя, жаберные крышки, позвонки и т.д.). До вида определено около 2/3 костей (четыре вида из трех семейств — карась, язь, щука, окунь). При этом доминируют представители семейства карповых — карась и язь (97,5 % от комплекса, включая не определимые до вида) при главенствующей позиции первого (53,4 % от карповых). Щука и окунь в данной выборке представлены единично — 1,5 и 1 % от всего комплекса соответственно. Реконструируемые размеры рыб выглядят таким образом: карась — 10–15, 15–20, 20–25 и 25–30 см; язь и окунь — 15–20 и 20–25 см; щука — 30–35, 35–40 и 40–45 см [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103]. Исходя из соотношения размер тела — возраст из всех представленных видов лишь карась демонстрирует максимальное разнообразие — от особей возрастом 1–2 года + (длина тела 10–15 см) до 6 лет + (длина тела 25–30 см). С определенной долей вероятности данную картину (доминирование карповых, и карася в частности, его размерное и возрастное разнообразие) можно попытаться объяснить тем, что карась мог являться доминирующим обитателем окрестных озер и соответственно наиболее доступным, в то время как остальные виды (окунь и щука) предпочитали старицы и основную реку. Во всяком случае, именно такая ситуация наблюдается в настоящее время.

По мнению исследователей, собирательство как отдельная отрасль промысла ко времени мезолита — неолита прочно заняло свое место в традиционном хозяйстве. Признаками собирательства считают скопления косточек ягод, орехов, скорлупы моллюсков и птичьих яиц и т.д. [Жилин, 2004, с. 59–61]. К сожалению, на данном этапе исследования поселения нам не удалось четко зафиксировать наличие этих признаков, однако свидетельством в пользу вероятного бытования собирательства у древнего населения могут выступать находки нескольких фраг-

ментов раковин пресноводной беззубки (*Unionoida*) в придонных слоях котлована жилища № 21. Этот вид моллюсков до сих пор обитает в пресных водоемах Приишимья и является съедобным.

Орудия охоты и рыболовства

Очерченный на основании остеологических данных круг животных, птиц и рыб, в той или иной степени попадавших в число объектов промысла, достаточно разнообразен. Для реконструкции способов их добычи, помимо знаний образа жизни и экологии, основополагающее значение, бесспорно, имеет анализ вооружения жителей неолитического поселка. Промысловый орудийный набор насчитывает 400 предметов. В это число включены орудия как непосредственной добычи, так и последующей обработки (разделки, очистки, выделки и т.д.).

Предметы, составляющие охотничье вооружение, представлены элементами метательного оружия (всего 46 ед.) — каменные наконечники стрел листовидной и подтреугольной форм (2 экз.), костяные наконечники стрел игловидной формы с кососрезанным насадом (8 экз.), костяные наконечники стрел листовидной формы с коническим насадом (22 экз.), наконечники копий/дротиков (3 экз.), гарпуны (3 экз.) и зубчатые острия с выделенными черешками и коническим насадом (7 экз.). Все изделия по поведению при попадании относятся к типу *колющих*. Исключение составляет заготовка наконечника типа «томар», представляющая собой фрагмент рога (15,5×4,3 см), на одном из концов которого вырезан тупой наконечник конусовидной формы, высотой около 2,7 см (рис., 14).

Каменные наконечники выполнены на пластинах высотой от 2,6–3 см из красной и серой яшмы. Продольные края с двух сторон обработаны краевой приостряющей ретушью, этой же ретушью намечены слабые выемки в основании (рис., 7, 8).

Костяные игловидные наконечники имеют округлое сечение, коническое острие и кососрезанный насад, оформленный длинным срезом с одной стороны (рис., 3). Длина целых наконечников варьируется от 10 до 25 см, диаметр в пределах 1 см, длина насада составляет около 1,5–6 см.

Листовидные наконечники имеют перо в сечении линзовидной или приближенной к ромбовидной форм (рис., 4, 5). Длина варьируется от 6 до 15 см, с доминированием размеров в 8–9 см, ширина в пределах 1,3–1,5 см, толщина 0,6–0,8 см. Высота насада колеблется в пределах 1,5–2 см, граница между насадом и пером нечеткая. Вес наконечников составляет 4–7,8 г.

Наиболее массивные изделия отнесены к *наконечникам копий/дротиков* (рис., 13). Их длина 17–18 см, ширина 2 см, толщина около 1,5 см. Форма удлинено-листовидная, сечение изогнутое. Один наконечник с насадом, второй без него, оба выполнены из крупных расщепленных трубчатых костей копытного животного.

Костяные наконечники с зубчатыми элементами по морфологическим особенностям разделены на *гарпуны* и *зубчатые острия* (рис., 2, 6, 12). Применение данного типа орудий соотносят как с рыболовством, так и с охотой [Жилин, 2004, с. 42, 55]. Однако, исходя из морфологических особенностей (наличие стопор-линия и отверстия для крепления веревки/лески), мы все же провели деление на охотничьи (зубчатые острия) и рыболовецкие (гарпуны) изделия. Данное разграничение весьма условно, так как отсутствуют общепринятые признаки того или иного назначения. Собственно к группе охотничьего вооружения отнесено зубчатое острие длиной 16,2 см с одной бородкой клювовидной формы с перехватом (желобком) у треугольного насада (рис., 12). В эту же категорию включены обломки зубчатых острий — фрагменты черешков с коническим насадом без стопор-линия (3 экз.) и острие с одним выступом-бородкой.

Таким образом, охотничьи наконечники в целом представлены двумя формами — листовидной и игловидной. Их размерность более разнообразна: длина варьируется от 2,6 до 25 см, ширина и толщина — от 1 до 2 см. В целом основная группа наконечников (все костяные) представлена достаточно крупными изделиями.

Орудий, связанных напрямую или косвенно с рыболовным промыслом, — 9 ед. (костяные наконечники гарпунов, рыболовный крючок, иглы для вязания сетей, элементы устройства типа «жерлицы»).

Оба *костяных наконечника гарпунов* односторонние, не поворотные, с вариациями насада (рис., 2, 6). Первый наконечник длиной 18,3 см, с округлым сечением, имеет три бородки, стопор-линь с отверстием диаметром 0,3 см и черешок с коническим насадом на конце. На острие и бородках гарпуна присутствуют микросколы от метания. Второй — бесчерешковый с треугольным насадом длиной 7,9 см, с тремя бородками, выступающим стопор-линем и треугольным насадом.

Рыболовный крюк высотой около 9 см с жалом без бородки, головка отделяется от цевья круговым желобком (рис., 9). Изделие находит аналоги и в материалах уральских торфяников, и на более широкой территории [Загорска, 1991; Савченко, 2013].

Остальные предметы в категорию рыболовных выделены на основании совокупности данных типологии, трасологического анализа и этнографических параллелей. Так, к иглам для вязания сетей отнесены изделия из полых, освобожденных от губчатой массы костей (3 экз., длина предметов 7–12 см) (рис., 11). Характерной чертой является косой срез на одном конце и приуроченное к нему округлое отверстие (диаметр 0,6 см). Подобные изделия достаточно редки; вместе с тем ближайшие аналоги приишимским находкам видим в коллекциях Шигирского и Горбуновского торфяников, где они также интерпретированы как иглы для вязания сетей [Эверстов, 1988, с. 28–29]. Предметы данного типа известны в мезолитических комплексах Восточной Европы [Жилин, 2001], а отдаленные аналоги — по этнографическим данным [Попов, 1937, с. 184; 1955, с. 99]. Кроме того, на их использование в плетении/вязании указывают следы протягивания волокнистых материалов [Скочина, 2010].

Изделиями, связанными с рыболовством, являются также «жерлицы» (3 экз.). Представляют собой живцовую снасть для ловли хищных рыб, в виде тонких биконических пластин листовидной формы длиной 8–10 см, шириной около 2 см, толщиной 0,5–0,8 см (рис., 10). У двух из них в средней части по краям прорезаны выемки, скорее всего для привязывания веревки. Изготавливались такие пластинки путем расщепления костей или рога. Изделия, интерпретируемые исследователями как «жерлицы», встречаются на мезолитических памятниках Восточной Европы, европейского центра и севера России [Загорска, 1991; Жилин, 2001].

Представленные в неолитических материалах поселения предметы, связываемые с рыболовством, могут быть разделены на две группы: для индивидуального лова (гарпуны, крюк, «жерлицы») и массового/сетевого (?) (иглы для вязания сетей). Вместе с тем, касательно сетевого рыболовства, обращает на себя внимание отсутствие в коллекции грузил, в связи с чем не исключаем возможность использования сетей для загонной охоты на перелетную водоплавающую птицу.

Обсуждение. Итоги

Успешность промысловой деятельности, скорее всего, обеспечивалась не только, а может, и не столько наличием потенциальной добычи и подходящих орудий, но еще и наличием знаний, умений и навыков промысловиков — тем, что является интеллектуальным базисом коллектива, который накапливался поколениями и выражался в знаниях ландшафтов, биологии/экологии животных, сезонных погодных изменений и т.д. Воссоздание в полной мере представлений о глубине и широте этого базиса по понятным причинам невозможно. Мы можем лишь предполагать, каким мог быть механизм промысловой деятельности в целом, основываясь на разрозненных данных о климате и ландшафтной обстановке, геоморфологии поселка, характере жилищ, археологических находках и современных знаниях экологии животных.

Вероятностная модель сезонного ведения промысла

Разнообразие объектов промысла, их тяготение к различным природным нишам и определенная зависимость от годового цикла, скорее всего, накладывали отпечаток на построение системы их добычи древними промысловиками. Так, например, охота на копытных теоретически могла в целом осуществляться круглогодично, однако промысел степных видов (в первую очередь дикой лошади), скорее всего, был подчинен периодам возможных сезонных миграций: весна — лето в северном направлении (лесостепные территории), осень — зима — в южном (степь). Тем более что общие климатические колебания в сторону остепнения территории и потепления климата могли этому способствовать. Лесные копытные (в первую очередь лось) отличаются большей степенью оседлости. Охота на лося наиболее продуктивна в холодное время года — с осени по весну (период гона — теряет осторожность, высокий снег — мало передвигается, легко тропить, набирает большую массу). Такая особенность лосиного мяса, как быстрая порча, также могла ориентировать на зимнее время его добычи [Адаев, 2007b, с. 28–30]. Таким образом, из копытных охота на косулю и благородного оленя могла вестись круглогодично, в то время как биологические и экологические особенности остальных видов, вполне вероятно, накладывали сезонные ограничения на промысел.

Добыча пушного зверя целесообразна в зимний период, когда шкура достигает наивысшего качества. Исключение составляет бобр, промысел которого осуществляется круглый год. Охота на остальных животных (медведь, волк, барсук) вряд ли была подчинена графику. В опреде-

ленной степени это могло касаться медведя, добыча которого продуктивна в зимний или весенний период (в берлоге, глубокий снег мешает передвигаться) [Адаев, 2007b, с. 31, 46].

Важнейшим фактором, определяющим промысел водоплавающей птицы, является весенний и осенний перелет. Озера очерченной системы и в настоящее время являются стабильными пунктами на пути перелетной птицы. Что касается боровой дичи, то такая особенность поведения тетерева, как тяготение к открытым участкам леса, лугам, в осенний период также могла быть определяющей в периоде его добычи.

Рыбная ловля могла осуществляться круглогодично, однако анализ годичных колец на чешуе позволил исследователям установить, что большая часть выловлена в период с мая по сентябрь [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103].

Способы ведения охоты и рыболовства

Что касается способов ведения промысла, то можно лишь предположить охоту на крупных копытных, носившую загонный характер, битье на переходах рек/проток, выслеживание с собакой. Представленные в коллекции наконечники стрел и копий/дротиков по размерам разнообразны, но большая часть — крупные. Такие могли легко протыкать шкуру и глубоко входить в тело зверя. Зубцы на части наконечников предотвращали выпадение их из цели. Застрявшая в ране стрела при передвижении зверя, задевая за кусты и деревья, постоянно бередила рану. Это приводило к быстрой потере крови и позволяло собаке и охотникам легче идти по следу [Жилин, 2004, с. 40]. Что касается дифференциации применяемости наконечников по объектам промысла, то, по мнению исследователей, использование различных типов определялось не столько объектом охоты, сколько культурными традициями [Там же, с. 41]. В целом же можно констатировать, что костяные наконечники могли применяться в охоте на всех животных, представленных в остеологической коллекции. Различие могло заключаться лишь в способе придания ускорения стреле или копьё — при помощи лука, возможно, копьёметалки или руки охотника. Об использовании первых двух могут свидетельствовать такие признаки, как метательный излом и характерные сколы на наконечниках [Скочина, 2015]. В свою очередь, выбор метода метания орудия как раз мог зависеть от объекта охоты и/или способов ее осуществления. Небольшие легкие каменные наконечники могли предназначаться для охоты на птицу. При этом о бытовании легких стрел с тростниковым древком у неолитического населения лесостепного Приишимья свидетельствует наличие в коллекции поселения Мергень 6 обломка керамического «утюжка» — выпрямителя тростниковых древков стрел [Усачева, 2013].

Добыча пушного зверя сопряжена с необходимостью не повредить ценную шкуру, поэтому его битье могло осуществляться при помощи лука и стрел с наконечниками типа «томар». Признаков использования самоловных орудий давящего типа пока нет, однако их применение с эпохи бронзы в соседнем южно-уральском регионе достоверно зафиксировано [Гимранов и др., 2011, с. 103].

Рыболовный промысел велся как индивидуальным (битье гарпунами, ловля на крючок и на живцовую снасть — «жерлицы»), так и, вероятно, коллективным способом. Весь набор орудий индивидуального лова (исходя из размеров и способов использования), скорее всего, рассчитан на добычу крупной хищной рыбы, обитавшей главным образом в основной реке и ее ближайших старицах. Признаки коллективного рыболовства косвенные: наличие предметов, интерпретируемых как иглы для вязания сетей, и геоморфология самого поселка — у истока протоки из озера. По мнению исследователей, приуроченность поселков к подобным системам «наводит на мысль о возможности заповного рыболовства» [Косинская, 1997, с. 15]. Можно предположить, что добыча хищной рыбы осуществлялась индивидуально и на удалении от поселения, в то время как массовый вылов карповых (главным образом карася) — коллективно, посредством сетей (?), элементов заповров (изгородей из хвороста, котцов, морд, рукавов и т.д.) в непосредственной близости от поселения, чем, вероятно, и мог быть обусловлен выбор места для поселка (озерная пойма) и что не противоречит соотношению видового состава ихтиофауны.

Значение рыболовного промысла и его соотношение с охотой

Поселение неолитических охотников, рыболовов и собирателей было центром освоенной территории, соответственно характер его функционирования во многом определял промыслово-хозяйственную деятельность его обитателей. Переход к относительно оседлому образу жизни в неолитическое время выступает одним из признаков эпохальных изменений, маркером чего становятся стационарные поселения круглогодичного проживания. Переход от кочевого к полuosедлому образу жизни, увеличение численности населения естественно сопровождалось перестройкой и структуры хозяйства. Стремление к повышению стабильности/устойчивости

поступления пищевых ресурсов являлось основой адаптационного процесса в целом. Исследователи увязывают это с повышением роли рыболовства (коллективного способа лова) как источника стабильного поступления пищи [Косинская, 1997]. Материалы исследуемого поселения, на наш взгляд, позволяют попытаться проверить эту «связку».

По нашему мнению, неолитический поселок на оз. Мергенъ по типу функционирования относится к долговременным круглогодичным. На это указывает ряд признаков: большое количество относительно одновременных построек различного характера и назначения (13 сооружений, легкие хозяйственные конструкции (9–15 м²) и жилища полуземляночного типа (50–100 м²), в жилищах выявлены очаги, а в двух самых больших — системы ям и канав, функционально предназначенные для поддержания благоприятного микроклимата (в том числе, вероятно, для отопления помещения) [Еньшин, Скочина, 2014]. Культурный слой неолитического времени насыщен находками: готовыми орудиями, заготовками, керамическими сосудами, «кухонными» отходами и т.д. В орудийном комплексе присутствуют изделия всех ступеней обработки добычи. Разделка охотничьей и рыболовной добычи (резка мяса и чистка рыбы) велась с помощью вкладышевых ножей с лезвиями из камня (145 экз.), а также костяных ножей из ребер и лопаток животных. С обработкой шкур и выделкой кож связан довольно разнообразный набор орудий. Очистка шкур животных от остатков мяса и жира, мездрение и пушение бахтармы велось при помощи каменных (99 экз.) и костяных скребков (1 экз.), костяных стругов из трубчатых костей и плоских ребер различных размеров (3 экз.). Каменные (25 экз.) и костяные (48 экз.) проколки, иглы длиной 5 см, толщиной 0,2 см, округлые или овальные в сечении, служили для прокалывания и соединения шкур/кожи. Кроме того, остеологический анализ показал, что в комплексе присутствуют животные, промысел которых, скорее всего, велся в разные периоды года.

Таким образом, круглогодичный долговременный характер поселения, на наш взгляд, является доказанным и ключевым вопросом становится степень значимости рыболовства в промыслово-хозяйственной деятельности и ее соотношение с охотой. Безусловно, выбор места для поселения, вероятная дифференциация способов лова (коллективный, индивидуальный), разнообразие способов индивидуального лова, ориентация на вылов одного из самых стабильных во всех отношениях видов туводной рыбы (карась) — все это свидетельствует о высокой степени развития рыболовства и его значимости в хозяйстве жителей поселка. Однако сравнительный анализ остеологических данных и орудийных наборов говорит о том, что и охота занимала не менее важное место в системе хозяйствования. В пользу тезиса о равнозначности связки охота — рыболовство свидетельствуют и маркеры вероятных ритуальных действий на поселении. Так, в полу котлована жилища № 14 была обнаружена ямка с целым костяком рыбы (карась?), рядом с жилищем № 21 в яме — захоронение двух лосиных голов с рогами (предположительно самки). В том же жилище № 21 в полу котлована была обнаружена яма с набором орудий охоты (наконечник стрелы, копья), рыболовства (гарпун, рыболовный крюк) и переработки добычи (скребки и т.д.), обмазанные белой глиной и засыпанные охрой. В жилище № 16 у очага в скоплении предметов явно вотивного характера присутствовало массивное копьевидное изделие из рога, украшенное орнаментом, с пазом для вкладышей, в этом же скоплении обнаружена костяная орнитоморфная фигурка (боровая дичь — тетерка?) [Еньшин и др., 2012].

Промыслово-хозяйственное функционирование поселения как адаптационная стратегия. Аналогии. Заключение

Представленный круг источников, по нашему мнению, позволяет говорить, что основание крупного неолитического поселка круглогодичного функционирования на оз. Мергенъ является результатом продуманной адаптационной стратегии оставившего его древнего населения. Главные элементы ее — выбор места для поселка (наиболее выгодного с точки зрения эффективности ведения хозяйства — на стыке двух крупных природных зон: леса и степи, в долине крупной реки, в системе озеро — протока — река) и выстраивание комплексной промыслово-хозяйственной деятельности с учетом знаний о биологии и экологии фауны различных экологических ниш (условия обитания, миграции, лучшее время добычи, продуктивные орудия и способы добычи), с опорой, скорее всего, на копытных и рыбу. Нельзя не отметить в качестве элемента хозяйственной адаптации и ориентацию на массовое изготовление орудий из кости промысловых животных в условиях дефицита каменного сырья.

Правомерность и жизнеспособность представленной модели промыслово-хозяйственной деятельности неолитического населения может быть проверена на археологических и этнографических примерах. Так, по мнению М.Г. Жилина, некоторые стоянки мезолитических охотников

и рыболовов лесной зоны Восточной Европы могли функционировать круглогодично, а их обитатели — осуществлять рыбную ловлю летом, а охоту на копытных в зимнее время [2007, с. 76]. На неолитических стоянках севера степной зоны Волго-Уралья исследователи отмечают присутствие костей животных как степной, так и лесной зоны [Косинцев, Бачура, 1999, с. 92]. Л.Я. Крижевская среди причин своеобразия материальной культуры южно-уральского неолита в целом и форм ведения промыслово-хозяйственной деятельности древнего населения данной территории в частности выделяла расположение поселков в озерных и речных системах на стыке леса и степи (охота на дикую лошадь, кулана, сайгака, лося, бурого медведя, куницу и т.д.) [1968, с. 118]. Для таежной зоны Западной Сибири (Среднеобская низменность) исследователи отмечают наибольшую концентрацию памятников от неолита до раннего железного века на стыке разных ландшафтных зон, с особой плотностью на участках, сопряженных с крупной рекой или озером [Адаев, 2007b, с. 90].

Что касается этнографических данных, то они главным образом представлены материалами таежной зоны. Так, например, охотничье-рыболовный промысел тазовских селькупов подчинен годовому циклу, состоящему из двух частей: летний год (май — октябрь) и зимний год (октябрь — май). В летний период основу хозяйства составляет рыболовство, в зимний — охота на крупных копытных (лось, олень) [Кениг, 2010, с. 50]. Анализ традиционной экологической культуры таежного угорского населения Западной Сибири (хантыйского) позволил В.Н. Адаеву прийти к выводу, что расположение их поселений тяготеет к районам плотного пересечения так называемых кормящих ландшафтов. Выбор данной стратегии обусловлен наибольшей продуктивностью таких зон: это обеспечивало стабильность природных ресурсов, с одной стороны, и сокращало площадь промысловых угодий, с другой, что важно в условиях ограниченных транспортных возможностей. Исследователь отмечает, что неотъемлемыми составляющими этого эффективного механизма адаптации являются пространственная вариативность и пластичность с быстрой заменой в случае необходимости одних объектов промысла другими [Адаев, 2007b, с. 90]. Вслед за А.В. Головановым, В.Н. Адаев в качестве основных хозяйственно-культурных типов таежного населения выделяет глубинно-таежный и приречно-таежный. Для первого характерна ориентация на промысел крупных копытных вкупе с другими занятиями, среди которых выделялись бобровая охота, заборное и острогово-сетевое рыболовство. Промысловая территория приурочена в основном к озерно-речным долинам с прилегающими лесными массивами и болотными угодьями. Для второго типа главная отрасль — рыболовство, дополняемое промыслом дичи, копытных, мелкого зверя, собирательством и т.д., а в качестве угодий выбирались поймы крупных рек с прилегающими участками леса и заливными лугами. Отмечается также, что обоим типам, несмотря на разницу в выборе промысловых территорий, присуще многоотраслевое хозяйство с опорой прежде всего на самые надежные и продуктивные виды ресурсов (пара: копытные — рыба), за счет чего и достигалась общая устойчивость ХКТ [Там же].

Представленный краткий обзор материалов, привлеченных в качестве примера, позволяет говорить, что признаки механизма промыслово-хозяйственной адаптации, выявленные для неолитического населения на оз. Мergenь, в целом схожи и закономерны для обитателей лесной и лесостепной зон Евразии в мезо-неолитическое время. Характеристики же основных хозяйственно-культурных типов современного коренного лесного населения Западной Сибири, на наш взгляд, позволяют достаточно четко усматривать общее в ведении комплексного присваивающего хозяйства у древнего и современного аборигенного населения рассматриваемой территории. Особенно, на наш взгляд, это касается глубинно-таежного хозяйственно-культурного типа. Формирование его могло происходить в процессе адаптации человеческих коллективов лесной и лесостепной зон еще в неолитическое время. В числе таких коллективов можно рассматривать и общину, осваивавшую исследуемую озерно-речную систему. Подтаежная зона начинается всего в 50–70 км к северу от поселения Мergenь б, а на границе подтайги и южной тайги известен памятник со схожими, но более поздними в культурно-хронологическом отношении материалами (пос. Боровлянка 2) [Зах, 2009], что не исключает вероятности проникновения носителей данных традиций в северном направлении вплоть до тайги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н. Опыт типологии природных комплексов коренного населения Северо-Западной Сибири // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень: Вектор Бук, 2007а. Вып. 3. С. 221–226.
Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007b. 240 с.

- Алексеев В.П. Избранное: Антропогенез. М.: Наука, 2007. Т. 1. 711 с.
- Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.
- Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Сатаев Р.М. История охоты на куниц в голоцене на Южном Урале // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 102–104.
- Головнев А.В. Этноэкология: Выбор подхода // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. Томск: ИТУ, 1998. С. 44–48.
- Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А. К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергень 6) // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 39–49.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергень: (Домостроительный аспект) // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 4–14.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергень 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 43–52.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. 328 с.
- Жилин М.Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Загорска И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 39–64.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. 128 с.
- Кольцов Л.В. Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // Твер. археол. сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 21–24.
- Косинская Л.Л. Новокаменный век: Хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала // УИВ. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. Вып. 4. С. 12–25.
- Косинцев П.А., Бачура О.П. Крупные млекопитающие Волго-Уральских степей в голоцене // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 91–93.
- Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу оз. Мергень (Мергень 5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 100–106.
- Крижевская Л.Я. Неолит Южного Урала // МИА. 1968. № 141. 183 с.
- Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зимина, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Попов А.А. Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 147–205.
- Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и I четв. XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 41–146.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С. Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергень 6 в Тюменском Приишимье // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, Т. II. 2011. 424 с.
- Савченко С.Н. Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке среднего Зауралья // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9. С. 218–221.
- Сатаев Р.М. Общие принципы устройства и функционирования систем жизнеобеспечения традиционных обществ // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 126–134.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Основания палеоэкономических реконструкций присваивающего хозяйства // Твер. археол. сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 15–26.
- Скочина С.Н. Костяной и роговой инвентарь кошквинской культуры с поселения Мергень 6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 25–36.
- Скочина С.Н. Наконечники метательных орудий в неолите лесостепной зоны Западной Сибири // Следы в истории: К 75-летию В.Е. Щелинского. СПб., 2015. С. 181–186.
- Усачева И.В. «Утожки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.
- Ямсков А.Н. Этноэкология: Содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.
- Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V. & Slavinsky V.S. New Holocene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: Updated extinction patterns // Quaternary Science Reviews. 114. P. 182–188.

D.N. Enshin, S.N. Skochina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru; sveta_skochina@mail.ru

**ECONOMIC ACTIVITY OF THE EARLY NEOLITHIC POPULATION HAVING RESIDED
AROUND LAKE MERGEN AS A STRATEGY OF ADAPTATION TO THE ENVIRONMENT
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MERGEN 6 SETTLEMENT)**

This paper sets out to analyse the economic activity of the inhabitants of an Early Neolithic settlement on the north-eastern coast of Lake Mergen (Lower Ishim River, south of Western Siberia) with the purpose of determining specific strategies of their adaptation to natural conditions (based on the materials of the Mergen 6 settlement). The initial data for the analysis were taken from studies characterizing the climate at the beginning of the Holocene, the paleolandscape characteristics of the territory, the geomorphological position of the settlement, the composition and conditions for the formation of the archaeozoological collection and hunting/fishing gear sets. A comprehensive analysis of these sources made it possible to develop an economic model describing the functioning of the settlement. The main features of the settlement functioning model involve the location of the settlement at the intersection of the so-called «feeding landscapes» (forest/steppe at the macro-level, lake/river at the micro-level); a probable year-round, stationary character of the settlement; the equivalence between two main economic sectors (hunting and fishing); reliance in the economic activity on ungulate hunting and fishing; a supposedly seasonal character of hunting and fishing certain fauna species. In our opinion, this model suitably reflects adaptation strategies used by the ancient population, whose main goal was to ensure the sustainability and productivity of their economy. In addition, the conducted historiography analysis has shown that the aforementioned elements of the model were common for all ancient societies with the appropriating type of economy that resided in Eurasian forest and forest-steppe territories in the Mesolithic-Neolithic periods.

Key words: Early Neolithic, economic activity, adaptation strategy, hunting, fishing, settlement Mergen 6.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018

REFERENCES

- Adaev V.N. (2007a). Experience of typology of natural complexes of indigenous population of North-Western Siberia. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, 221–226.
- Adaev V.N. (2007b). *Traditional ecological culture of Khanty and Nenets*, Tyumen': Vektor Buk, 240 p.
- Alekseev V.P. (2007). *Favorites. Anthropogenesis*, 1, Moscow: Nauka, 711 p.
- En'shin D.N. (2014). Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (1 (24)), 14–23.
- En'shin D.N., Belonogov D.A. (2010). To the problem of methods for studying Neolithic dwellings on the territory of Western Siberia (for example, the reconstruction of the dwelling of the 5th settlement of Mergen 6). *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (1 (12)), 39–49.
- En'shin D.N., Skochina S.N. (2014). Adaptation resources of the Neolithic population of Lake Mergen: (House-building aspect). *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (2 (25)), 4–14.
- En'shin D.N., Skochina S.N., Zakh V.A. (2012). On the issue of settlement rituals in the Neolithic of the Lower Prehimic region (based on the materials of the settlement of Mergen 6). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4 (19)), 43–52.
- Everstov S.I. (1988). *Fisheries in Siberia: Stone Age*, Novosibirsk: Nauka, 144 p.
- Gimranov D.O., Kosintsev P.A., Sataev R.M. (2011). The history of hunting for martens in the Holocene in the Southern Urals. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Sbornik докладов konferentsii*, (4), 102–104.
- Golovnev A.V. (1998). Ethnoecology: The choice of approach. *Sistema zhizneobespecheniia traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti: Teoriia, metodologiya, praktika*, Tomsk: ITU, 44–48.
- Iamskov A.N. (2009). Ethnoecosystem: The content of the concept and the history of its development in domestic ethnoecology. *Rasy i narody: Sovremennyye etnicheskie i rasovyye problemy*, (34), Moscow: Nauka, 130–142.
- Kenig A.V. (2010). *Ethnoarchaeology as a method of archaeological reconstruction (on the example of the Taz Selkup)*, Ekaterinburg; Khanty-Mansiisk: AMB, 128 p.
- Kol'tsov L.V. (1998). Forms, ways and means of adaptation in the Mesolithic of Northern Europe. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (3), Tver, 21–24.
- Kosinskaia L.L. (1997). The New Stone Age: the economy and the way of life of the population on both sides of the Urals. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), Ekaterinburg: UrO RAN, 12–25.
- Kosintsev P.A., Bachura O.P. (1999). Large mammals of the Volga-Ural steppes in the Holocene. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*, Tyumen': IPOS SO RAN, 91–93.
- Kosintsev P.A., Nekrasov A.E. (1999). The economic activities of people from the settlements located on the shore of the lake Mergen (Mergen 5 and 6) in the Neolithic and Eneolithic. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*, Tyumen': IPOS SO RAN, 100–106.

- Krizhevskaja L.Ia. (1968). Neolithic of the Southern Urals. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*, (141), Leningrad: Nauka, 183 p.
- Popov A.A. (1937). Hunting and fishing near Dolgan. *Pamiati V.G. Bogoraza*, Moscow; Leningrad, 147–205.
- Popov A.A. (1955). Weaving and weaving in the peoples of Siberia in the XIX and 1st quarter of the XX century. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 16, 41–146.
- Riabogina N.E., Ivanov S.N., Iakimov A.S. (2011). Reconstruction of paleoecological conditions and habitats in the multi-layered settlement of Mergen 6 in the Ishim river basin in the Tyumen region. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda, II*, St. Petersburg; Velikii Novgorod, p. 424.
- Sataev R.M. (2017). General principles of the organization and functioning of life support systems of traditional societies. *Vestnik arkhologii antropologii i etnografii*, (4 (39)), 126–134.
- Savchenko S.N. (2013). Bone whole fish hooks in the Stone Age of the Middle Trans-Urals. *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik*, (9), Tver': Triada', 218–221.
- Sidorov V.V., Engovatova A.V. (1996). Foundations of paleoeconomic reconstructions of appropriating economy. *Tverskoi arkhelogicheskii sbornik*, (2), Tver': Triada', 15–26.
- Skochina S.N. (2010). Bone and horn inventory of the Koshkino culture from the settlement of Mergen 6. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, (2 (42)), 25–36.
- Skochina S.N. (2015). Projectile points in the Neolithic forest-steppe zone of Western Siberia. *Sledy v istorii*, St. Petersburg, 181–186.
- Usacheva I.V. (2013). *«Grooved Stones» of Eurasia*, Novosibirsk: Nauka, 352 p.
- Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., & Slavinsky V.S. (2015). New Holocene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: Updated extinction patterns. *Quaternary Science Reviews*, (114), 182–188.
- Volkov E.N. (2007). *Complex of archaeological monuments Inhal valley*, Novosibirsk: Nauka, 224 p.
- Zagorska I.A. (1991). Fishery and marine fishing in the Stone Age in the territory of Latvia. *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita — rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy*, Leningrad: Nauka, 39–64.
- Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and the Early Metal of the Tobol-Ishim forest region*, Novosibirsk: Nauka, 320 p.
- Zakh V.A., Zimina O.Yu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V. (2008). *Holocene landscapes and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interflaves*, Novosibirsk: Nauka, 212 p.
- Zhilin M.G. (2001). *The bone industry of the Mesolithic forest zone of Eastern Europe*, Moscow, 328 p.
- Zhilin M.G. (2004). *The natural environment and economy of the Mesolithic population of the center and north-west of the forest zone of Eastern Europe*, Moscow: Academia, 144 p.